

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
о диссертации Галины Евгеньевны Поповой
«РЕЛЕВАНТНОСТЬ РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ», представленной
на соискание учёной степени доктора филологических наук по научной
специальности 5.9.8. – Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Развитие современных теоретических концепций в лингвистике показывает, что последняя интегрируется с другими, не только гуманитарными, но и естественными науками. Это в полной мере относится к вопросам, исследуемым в рамках лингвокогнитивной теории значения в речевой интеракции, где для объяснения непрямых, но интенсивных корреляций между коммуникативными и когнитивными процессами все чаще используется образ ризомы как научной метафоры в описании неоднородных, пересекающихся одновременно во множестве точек структур.

Данное обстоятельство обуславливает то, что одной из сложнейших задач в анализе речевого взаимодействия оказывается «системное исследование релевантности смыслообразования», в терминологии соискателя, или же, напротив, атомарность и раздробленность подходов, трансформирующих методологические отношения частей и целого. Иными словами, вопрос о том, на каком базисе и в какой мере можно обнаружить за многообразием существующих подходов к языку и механизмам его функционирования нечто интегративное, и то, в каких терминах и моделях может быть описан выявленный конструкт или положение дел, является значимым для науки о языке. В этом, на наш взгляд, представляется актуальность предпринимаемых исследований того или иного вопроса или аспекта в пределах обозначенного круга проблем. Поэтому попытка решить сегодня конкретный вопрос в полиаспектном интегративном междисциплинарном подходе с учётом обозначенной тенденции в современной лингвистике заслуживает должного внимания и делает в научном плане лингвистическое исследование **актуальным**. Таковым, по нашему мнению, и является диссертационное исследование Галины Евгеньевны Поповой, направленное на изучение релевантности речевого взаимодействия.

Автором поставлена масштабная исследовательская **цель** – осуществить системное описание интеракциональной природы феномена релевантности как когнитивно-дискурсивной доминанты в её функциональных реализациях речевого взаимодействия в обыденном и профессиональном дискурсах. Поставленная цель предопределила постановку ряда задач, получивших в работе оригинальное решение. Взяв за основу постулат о том, что междисциплинарная метакатегория релевантности глубоко фундирована в кодово-инференциально-интеракциональной модели коммуникации, автор

выстраивает аналитическую магистраль, позволяющую представить три положения о релевантности в адапционных механизмах речевого взаимодействия. В ходе последовательного выполнения научных задач автору удастся обосновать эти положения. Доказано, что релевантность обладает градуальностью, которая имеет скалярную импликацию в разных социокультурных контекстах. Установлена асимметрия между категориями релевантности и истинности в интерпретационных процедурах понимания. Подтверждена релевантность взаимной адаптации субъект-объектной и субъект-субъектной когнитивных сред, что иллюстрируется разноуровневыми маркерами. Таким образом, диссертанту удастся подготовить базис для доказательства гипотезы исследования в виде положения об адапционных механизмах коммуникантов, которые представляют собой ориентированные на собеседника и на адаптацию к внешней (социальной) среде модули.

Теоретическая значимость работы состоит в непротиворечивом и тщательном описании нескольких наиболее часто задействуемых в науке о языке моделях коммуникации, которые организованы автором в интегральную концепцию коммуникации, предполагающую дополнительность, а не конкуренцию рассмотренных моделей. Это важный шаг в решении проблемы полипарадигмальности современной лингвистики, препятствующей научной коммуникации¹. Лингвистическим подспорьем станут выводы исследования для теории аргументации, где долгое время ведутся споры о логически релевантном аргументе, и его «нерациональных», но вполне приемлемых в том или ином лингвосоциуме аналогах в виде практически релевантного аргумента и прагматически релевантного аргумента.

Новизна работы, на наш взгляд, заключается в первую очередь в самом объекте исследования в виде речевого взаимодействия. Последнее анализировалось в двух перспективах: и как частный случай социального взаимодействия, и как интеракционный дискурс. Выявлено свойство градуальности проявлений релевантности. Уделено внимание абдукции как разновидности рассуждения, которое нечасто интересует лингвистов, но в работе оно соотнесено с интерпретацией и познавательными процедурами. Начато исследование полимодальных триггеров и маркеров релевантности в речевом взаимодействии.

Методологическая значимость видится в фиксации единицы анализа речевого взаимодействия, принималось, что такой единицей является отрезок коммуникативно-деятельностного континуума, ограниченный когнитивными пространствами взаимодействующих коммуникантов в рамках определенной

¹ Кошелев, А. Д. Современная теоретическая лингвистика как вавилонская башня / А. Д. Кошелев // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2013. – Том 72. – №6. – С. 3-22. Олейник, А. Н. Научная коммуникация на стыке парадигм / А. Н. Олейник // Общественные науки и современность. – 2008. – № 2. – С. 116-128.

когнитивно-деятельностной ситуации взаимодействия и взаимной адаптации индивидуальных программ по достижению определенных целей. Существенна в методологическом плане и предпринятая в работе возможность конструирования совместной консенсуальной области взаимодействия с помощью картирования и схематизации.

Личным вкладом автора является разработка и практическое применение метода исследования темы, основанного на дополнительности когнитивной, семиотической и интеракциональной парадигм, а также разработка и тестирование стадияльной модели: когнитивный ассонанс – консонанс – резонанс. Автором разработана классификация когнитивно-коммуникативных манифестаций диссонанса.

Композиция диссертации организована соответственно поставленным цели и задачам. Работа объёмом 428 страниц основного текста состоит из введения, шести глав, заключения и библиографии. Главы работы содержат схемы, таблицы, рисунки, блок-схемы. Во **Введении** обосновываются актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая ценность работы, определяются её цель, текущие и перспективные задачи, описывается методологическая база исследования, формулируются предмет и объект исследования. Степень разработанности проблемы содержит описание имеющегося отечественного и зарубежного опыта в исследовании релевантности в языкознании и смежных исследовательских областях. Автор обозначает теоретические и методологические лакуны и устанавливает презумпцию о недостаточном проникновении феномена релевантности в разносторонние механизмы интеракциональной природы. Концепция исследования конкретизируется в научной гипотезе и положениях, выносимых на защиту.

В **первой главе** рассмотрен генезис термина «релевантность» и эпистемический статус соответствующей категории. Сделан обзор предметного поля метакатегории «релевантность». В соответствии с методикой такого обзора и в ходе скрупулёзного анализа источников диссертант устанавливает границы функциональных дискурсов о релевантности. В подразделе 1.2.–1.4. автор приводит характеристику типов и аспектов релевантности. Данный раздел относится к значимым звеньям методологии работы, поскольку он содержит выводы о том, что релевантность является градуально-относительным феноменом в социальных науках. Здесь обнаруживается некоторая поспешность автора в формулировании данного вывода по отношению к социальным наукам на основании статьи аргументолога (с. 49 диссертации). Отметим, что оригинальной авторской методике отведено своё место в других главах диссертации. Подраздел 1.5. содержит несколько значимых для методологии работы идей. Речь идет о контрастивном использовании понятий «пертинентность» и «релевантность», а также о разном

значении понятия релевантности в информатике и социальных науках. Вводится дихотомия интерактивности и интеракциональности.

Во **второй главе**, объём которой составляет 86 страниц, определена методология системного анализа релевантности смыслообразования. В главе дается панорамное представление об информационно-кодовой, инференционной и интеракциональной моделях коммуникации. Как следует из названия главы, диссертант использует теоретико-методологический потенциал бинарных оппозиций. Так, в подразделах 2.1.–2.3. встречается ряд категорий, которые находятся в отношении противопоставления. Такое погружение объекта исследования в рамки сравнения противоположных понятий позволяет сделать выводы о том, что интерпретативная релевантность речезыкового знака определяется динамическим аспектом коммуникации, а в статическом аспекте коммуникативное взаимодействие представляется в виде взаимодействующих концептуальных структур, инвариантных для каждого из коммуникантов.

В подразделе 2.3.3. подтверждается представление об интерпретации не только как о декодировании, но как о когнитивном процессе понимания и взаимопонимания. Данный вопрос автор рассматривает в связи с концептом ЗНАНИЕ в сравнении с актуальным смыслом. Вводится конструкт «интерсубъективное знание», которое в моменте взаимодействия результирует в «совместное знание». Последнее не является объективным, между ним и истиной существует некоторый зазор. В главе присутствует информация, результирующая в положении о градуальности феномена релевантности. С целью верификации выдвинутых положений относительно когнитивной среды как основания для интерпретативной инференции приводится иллюстративный анализ (подраздел 2.5.).

В рамках динамической модели когнитивно-семиотической интеракции, которая представлена в **третьей главе**, разрабатываются шесть аспектов формирования релевантности интегрального смысла, часть которых является внешними, а часть – внутренними аспектами интегративности. Речекогнитивная интеракция представляется при этом как взаимодействие двух фундаментальных процессов: понимания и согласия как принятия знания. Рассматриваются вынужденный и ожидаемый типы релевантности, углубляется понятие пертинентности.

В главе представлены операциональные термины: «ассонанс внутренних релевантностей, консонанс/конкорданс внутренних релевантностей, резонанс внутренних релевантностей», которые соответствуют трём стадиям возникновения взаимопонимания. Приведены иллюстрации-события соответствующих стадий и состояний. Определены понятия регулируемого и нерегулируемого диссонанса, разработана классификация когнитивно-коммуникативных манифестаций диссонанса. Выводы главы

концептуально связывают первую и вторую части работы и отражены в положениях, выносимых на защиту 1 и 4.

Четвёртая глава содержит иллюстративный анализ контекстов релевантности в обыденно-профессиональной коммуникации. Эта работа ведется в рамках интеракционной парадигмы исследования релевантности. Приводя цитаты учёных, исследовавших прагматику релевантности художественного текста, а также историографию конверсационного анализа в ссылках, диссертант делает вывод о множественности факторов релевантности, задействованных в речевой интеракции. Изложение построено в рамках оппозиции по отношению к редукционизму традиционной модели кодирования–декодирования. Разворачивая эту оппозицию далее и пользуясь терминологией О. К. Ирисхановой, автор представляет аддитивные и неаддитивные стратегии передачи смысла участниками речевого взаимодействия, где первые соответствуют фактуальному информационному идеалу, а вторые – его риторическому аналогу в виде стилистических приёмов, фигур речи и других языковых средств выразительности, функционирующих на разных уровнях языковой системы и ведущих к усилению динамики речевого взаимодействия. С использованием корпуса примеров телесериала “House, MD” представлены три группы неаддитивных стратегий в виде иронии и намека, метафоры и уклонения, прецедентных феноменов. Приведены данные психолингвистического эксперимента по стратегиям понимания прецедентных феноменов.

В пятой главе исследуются мультимодальные манифестации релевантности, что соответствует существующему в науке о языке тренду исследования системы невербальной коммуникации. Как можно заключить из содержания подраздела 5.2., автор связывает это с классификацией полимодальных триггеров (не)релевантности, осуществляемой на основе принципов семиотической системы Ч. С. Пирса. Приведено теоретическое построение, показывающее стадиальность семиотической динамики в категориях первичности, вторичности, третичности. Соответственно этой трихотомии разработана классификация метаязыковых маркеров релевантности. В подразделах 5.3.1. и 5.3.2. представлена типология и характеристика вербальных маркеров релевантности на французском языке.

В связи с этим представлены примеры, призванные проиллюстрировать коммуникативные и концептуальные рефлексивы, осознанные метарефлексивы и интуитивные метарефлексы, другие лексические маркеры релевантности и регуляторы речевого взаимодействия. В разделе 5.4. к исследованию маркеров манифестации релевантности/нерелевантности подключается анализ невербального и просодического компонентов коммуникации. Представлен анализ видеофрагмента с фиксацией значимых невербальных единиц речевого взаимодействия в виде кадров, содержащих речежестовые комплексы.

Содержание и выводы главы служат базой для подтверждения одного из положений гипотезы и положения 9, выносимого на защиту.

В **шестой главе** на материале коммуникации в парламенте Французской республики проведен анализ когнитивных доминант релевантности. Диссертант рассматривает контрадикторность и контрарность парламентской пропозиции, где также подтверждается категория релевантности – градуальности и субъективности релевантности. Выявлены следующие элементы градации релевантности в парламентском дискурсе: частичная релевантность, нулевая релевантность, не-релевантность, иррелевантность. На заключительном этапе автор проводит исследование когнитивной природы спонтанных высказываний в репликативном дискурсе сквозь призму прагма-когнитивной категории релевантности и интуитивной инференции. Качественные характеристики триггеров релевантности/нерелевантности, вызывающих комментарии сторон, сводятся к нескольким типам, среди которых пропозициональная нерелевантность и интерперсональная нерелевантность. Выводы главы отражены в положениях 10 и 11, выносимых на защиту.

Выводы и перспективы исследования обозначены в **Заключении**.

Наиболее значимыми, с нашей точки зрения, являются следующие научные достижения диссертанта:

- 1) установлен лингвистический статус категории «релевантность» и определено ядро релевантности в речевом взаимодействии, которое представляет собой актуальный смысл, разделяемый собеседниками в отличие от более ранних представлений об абстрактном концепте знание;
- 2) доказано, что релевантность – это категория дискурсивной грамматики, имеющая разноуровневые средства реализации – регулирования и вербализации;
- 3) разработано и применено понятие релевантности интегрального смысла высказывания как единицы речевой интеракции;
- 4) приведено непротиворечивое описание разных моделей коммуникации, приведены основания для их интеграции в виде корреляции между семиотическими и когнитивными механизмами дискурса;
- 5) решена проблема оценки релевантности аргумента в диалогах делиберативного типа; описана новая ошибка аргументации в виде ложного энталамирования;
- 6) по итогам исследования сделаны выводы о соотношении интерпретативной и адаптивной функций языка;
- 7) стоит приветствовать проведение психолингвистического эксперимента в практической части работы.

Кроме того, со всей очевидностью нужно признать, что представленное диссертационное сочинение является многоаспектным, комплексным и многоцелевым научным трудом, в котором автор, помимо своей основной

задачи – «системного описания интеракциональной природы феномена релевантности», – решает множество сопутствующих задач (всего – 9; см. с. 13–14 диссертации). Результаты исследования имеют **прикладную ценность**. Считаем возможным рекомендовать выводы работы к использованию в курсах по коммуникативной лингвистике, теории языка, теории аргументации. Стадиальная модель может быть задействована в решении практических задач мессенджер-маркетинга по разработке алгоритмов проактивных моделей взаимодействия цифровых устройств (чат-ботов) с аудиторией.

Тем не менее, наряду с отмеченными выше достижениями в исследовании заявленной проблемы, у оппонента в ходе знакомства с работой возникли вопросы и замечания. Просим Г. Е. Попову разъяснить некоторые моменты, касающиеся методологии и конкретных процедур анализа.

1. Какой моделью аргументации пользовался диссертант при реконструкции фрагментов аргументации? Оппоненту понятно, что автор причисляет себя к направлению радикального аргументативизма, принципом которого является решительный отказ от формализаций. Однако, если собственно семантический аспект аргументации не является целью работы, то в реконструкции аргументативного дискурса в целях объективности анализа необходим некоторый инструмент, позволяющий выделить минимальный аргументативный комплекс, иначе к аргументации можно будет причислить любые речения и части текста. В примерах диссертации элементы аргументативного комплекса вовсе не очевидны. Отказ от формально-логических процедур анализа все же не мешает автору в примере (2) на стр. 87 указать на «экспликацию опущенной цепочки логических посылок, приведших к эксплицитному заключению». Просим пояснить, где в данном примере логическая цепочка, и какие её элементы эксплицированы? Особенно недостаток объективности становится очевидным, когда аргументативные реконструкции являются базой для дальнейших рассуждений. Так, просим пояснить пример (18), где делается попытка «оценки релевантности высказывания собеседника с точки зрения его аргументативной силы» (с. 174). На каком основании автор причисляет данный фрагмент к аргументации, что из этого фрагмента является аргументом, а что тезисом? Как данный пример иллюстрирует понятие аргументативной силы, которая согласно концепции О. Дюкро, определяет уместность или неуместность предиката с реальным объектом и имеет два основных направления – в сторону увеличения или уменьшения? Какое отношение имеет к аргументативной силе понятие «аутореферентный “фокус”» восприятия, разработанный О. К. Ирисхановой и В. В. Козаковской? Как понимать отрицание аргументативной силы высказывания (недостаточное аргументативное основание) в анализе примера (1Б) на с. 85?

2. Замечание по своевременности иллюстраций: на с. 52 находится рисунок, ссылки на него даются в работе в шести местах диссертации (с. 197–315), однако, какие именно явления примеров иллюстрирует данный рисунок, непонятно, тем более что сам рисунок не прокомментирован.

3. Недостатком является отсутствие четкого алгоритма анализа в третьей главе при анализе трёх стадий возникновения взаимопонимания. Так, в примере (9) диссертант относит реплики к категории ассонанса, на наш взгляд, это не очевидно. Каковы диагностические ходы для отнесения примеров к той или иной категории? Пояснений автор не дает, как же, как и в примере (10). В примере (11) анализ имеется, но непонятно, почему контраргумент является признаком резонанса. Из анализа примера (12) можно заключить, что таким признаком является маркер нерелевантности. Но тут же указывается, что резонанс проявляется в «высказываниях собеседников, отражающих успешную импликацию и экспликацию» (с. 160). Как диссертант установил, что пример (12) содержит импликацию и экспликацию, причем одновременную, судя по выделенным элементам? В примере (13) маркером взаимопонимания, – в терминах диссертанта – резонанса, «служит реплика-экспликация скрытого смысла иронических прозвищ (см. ниже)» (с. 180). Сложно понять, что искать ниже – иронические прозвища или другие реплики-экспликации скрытого смысла. Упоминание прозвищ находим только в следующем подразделе и в следующей главе. И демонстрируют они другие явления, не связанные с маркерами нерелевантности. То же и в отношении примера (16), исследователь не поясняет, какие именно ремарки и реплики показывают явление пертинентности, анализ примера отсутствует. В целом можно отметить, что анализ представляется субъективным.

4. В положении 3, выносимом на защиту (с. 18 диссертации), сказано, что «релевантность речевого взаимодействия, субъективная и градуальная, регламентируется как институциональными нормами, так и индивидуальными интенциональными состояниями коммуникантов». Как следует из содержания работы, институциональные нормы как экспликации и импликации появляются в шестой главе, где рассматриваются сформировавшиеся концепты и пресуппозиции парламентской дискурсивной формации. Можно ли утверждать, что релевантность в одинаковой степени регламентируется институциональными нормами как в парламентском дискурсе, так и в обыденно-профессиональном (медицинском) дискурсе?

5. В работе заявлено, что были выявлены мультимодальные метакоммуникативные манифестации релевантности (положение 9, с. 20 диссертации). Однако в анализе только в разделе 5.4. сообщается, что «полиmodalный модус анализировался методом видеофиксации релевантных видеофрагментов и коррелятивных скриптов речевого взаимодействия» и что анализ проводился на материале теледебатов французских политиков и

видеоряда телесериала “House, MD”. Такой анализ появляется в отношении примера на французском языке (104) в разделе 5.4., где действительно приведен аналитический комментарий миможестикуляции спикера. Анализ содержит примеры элементов невербальной системы в виде замкнутой позы, счета на пальцах, взвешивания невидимого шара, позы «родэновского мыслителя», а также интонационного ударения и нисходящего тона. С помощью какой программы получены данные о просодике, фиксирующие высоту тона и длительность пауз? Каковы результаты исследования мультимодальной манифестации релевантности/ нерелевантности видеоряда телесериала “House, MD” и видеокорпуса французских жестов?

6. Не до конца понятен принцип распределения примеров по главам. В четвёртой главе представлен корпус примеров телесериала “House, MD” на английском языке, а в шестой главе проанализирован корпус примеров парламентского дискурса на французском языке. Можно ли считать, что данные, полученные при анализе интеракционально-коммуникативных и речезыковых характеристик релевантности на материале коммуникации в парламенте Французской республики, экстраполируются на контексты релевантности обыденно-профессиональной коммуникации и на парламентский дискурс другого лингвосоциума?

Вопросы, которые были адресованы уважаемому автору, носят уточняющий характер и не затрагивают концептуальных положений исследования. Они в большей мере приглашают к обсуждению актуальных вопросов когнитивной лингвистики и лингвоаргументологии.

Актуальность, новизна, теоретико-методологическая значимость, общий высокий научный уровень представленного диссертационного сочинения позволяют характеризовать его как законченное самостоятельное научное произведение, вносящее вклад в развитие интегративной теории языка, в исследование природы и функций языка. Полученные результаты исследования и сформулированные выводы раскрывают новые перспективы когнитивного анализа языка в междисциплинарном аспекте.

Попова Г.Е. является автором 74 научных публикаций, в их числе 2 авторские монографии, разделы в 2 коллективных монографиях, 24 статьи, опубликованные в изданиях, входящих в перечень ВАК РФ. Работа прошла необходимую апробацию в виде докладов на Российских и международных конференциях. Автореферат диссертации, а также публикации отражают содержание диссертационного сочинения.

Анализ научного труда позволяет заключить, что диссертация «Релевантность речевого взаимодействия» является завершённой научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной проблемы, имеющей значение для теоретической и прикладной лингвистики. Диссертация отвечает требованиям, изложенным в п. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о

